

В. С. СОБОЛЕВ

ЖУРНАЛ Д. Г. МЕССЕРШМИДА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СИБИРИ (1718–1728)

Даниэль Готтлиб Мессершмидт (1685–1735) – известный ученый-натуралист, руководитель первой научной экспедиции в Сибирь. В 1707 г. он закончил медицинский факультет Университета Галле и, защитив в 1716 г. диссертацию и получив ученую степень доктора медицины, занимался врачебной практикой в Данциге. В апреле 1718 г. по приглашению императора Петра I Мессершмидт прибыл в Санкт-Петербург для исследования естественных богатств России. Ученый поступил в ведение Медицинской канцелярии, которой руководил Л. Блюментрост. С Мессершмидтом был подписан контракт, согласно которому он должен был провести экспедицию по комплексному изучению Сибири – ее географии, натуральной истории, быта народов, флоры и фауны, памятников культуры и др. Императорский указ о назначении Мессершмидта руководителем подобной экспедиции был подписан 5 ноября 1718 г.

Во время экспедиции, продолжавшейся восемь лет, Мессершмидт проявил лучшие качества ученого-натуралиста: огромную работоспособность, энциклопедические знания, верность своему долгу и др. Многие работы он выполнял сам: проводил научные наблюдения, собирал памятники истории и культуры, выполнял зарисовки, делал чучела животных и др. Экспедиция имела совершенно исключительное значение по широте выполненных задач, объему и ценности добытых экспедиционных материалов. В. И. Вернадский отмечал, что «с экспедицией Д. Г. Мессершмидта началось естественно-научное изучение России»¹.

После возвращения ученого в 1727 г. в Петербург все наиболее ценные экспедиционные материалы были переданы в Кунсткамеру (многие из них, к сожалению, погибли в пожаре музея 1747 г.).

При жизни Мессершмидта его научные заслуги не были по достоинству оценены государственной властью, и он закончил свою жизнь в забвении и нужде.

В фонде Мессершмидта, хранящемся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук, особое место занимает журнал, который

¹ В имеющейся историографии истории жизни и деятельности Мессершмидта следует отметить следующие издания: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862; *Андреев А. И.* Материалы по этнографии Сибири 18 века // Советский Север. 1939. № 3. С. 75–85; *Андреев А. И.* Экспедиции на Восток до Беринга // Труды Историко-архивного института. 1946 Т. 2. С. 183–205; *Лебедев Д. М.* География в России петровского времени. М.; Л., 1950; *Ярош Г. Ф.* Табберт-Страленберг – спутник исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. 1968. № 1 (136). Вып. 1. С. 67–73; *Новлянская М. Г.* Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970.

велся ученым с ноября 1718 по сентябрь 1728 г. (Ф. 98. Оп. 1. Д. 32). На наш взгляд журнал является самым значительным и интересным источником на русском языке в научном наследии Мессершмидта, хранящемся в академическом архиве (большинство материалов, составляющих его фонд, написаны на немецком языке).

Журнал представляет собой фолиант в кожаном переплете объемом в 202 листа форматом 33 × 21 см, исписанных с обеих сторон. Большую часть журнала занимают записи на русском языке, сделанные четким «писарским» почерком. Совершенно ясно, что записи эти были сделаны не самим Мессершмидтом, а кем-то из его ближайших сотрудников, но по его точным указаниям и под его строгим контролем. Многие записи в конце имеют его заверительную подпись, являющуюся автографом ученого.

Каждая журнальная запись имеет точную дату и содержит указание на место, где она была произведена (например, Санкт-Петербург, Тобольск, Нерчинск, Иркутск и т. д.). Кроме того, большинство записей имеют порядковый номер, по ходу ведения журнала с № 1 по № 486 (первая запись была сделана в ноябре 1718 г., а последняя нумерованная – в декабре 1727 г., соответственно, нумерованные записи расположены в журнале с 1-й страницы по 160-ю). На последних 42 страницах нумерация записей не велась, но дата и место, где они сделаны, указывались. Следует отметить, что с декабря 1727 г. (соответственно, со страницы 163-й) часть записей сделана на немецком языке самим Мессершмидтом. Таким образом, на протяжении девяти лет в журнал заносились с немецкой аккуратностью и точностью все наиболее важные события и сведения, связанные с экспедицией Мессершмидта.

Материалы, имеющиеся в журнале, по содержанию можно разделить на несколько основных групп.

Значительную часть составляют материалы по различным вопросам организации и проведения экспедиции. Это копии царских указов, распорядительных документов центральных и местных органов власти и управления, писем самого Мессершмидта разным адресатам.

Согласно указу императора Петра I от 15 ноября 1718 г., перед экспедицией Мессершмидта ставились четкие и конкретные задачи «изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей – трав, корений и семян»². На первых порах Мессершмидт отправлял царским чиновникам в регионы, куда направлялась экспедиция, письма с просьбой оказывать содействие. При этом обязательно следовала ссылка на упомянутый царский указ, причем последний передавался дословно.

Однако по мере продвижения экспедиции в глубь России при подготовке подобных писем в местные органы власти лаконичный текст царского указа постоянно «творчески» изменялся и дополнялся. То есть число задач, стоявших перед экспедицией, искусственно увеличивалось и они усложнялись. Например, в своем письме в Томскую приказную палату от 18 апреля 1721 г. Мессершмидт значительно расширяет круг задач, поставленных перед экспедицией, и просит содействовать их выполнению. Теперь они уже включают сбор и изучение следующих предметов: «...травы и цветы; птицы лесные,

² Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

полевые и водные; всякие звери; всякая рыба; всякий цвет земли; всякие древние вещи; могильные вещи...». Все это предлагалось собирать и передавать в распоряжение экспедиции³. Можно предположить, что экспедиция столкнулась с такими невиданными по меркам Западной Европы природными богатствами Сибири и с таким большим объемом ценнейшего исторического и этнографического материала, что пришлось срочно, по ходу самого путешествия, перестраиваться и постоянно уточнять цели и задачи.

Документы свидетельствуют и о тех трудностях, с которыми пришлось сталкиваться участникам научного предприятия. В конце 1720 г. Мессершмидт вынужден был обратиться за помощью в Правительствующий сенат (сделал он это, заручившись сначала поддержкой одного из приближенных к императору – Л. Блюментроста). Ученый, в частности, указывал, что экспедиция часто не находит поддержки у представителей органов местной власти: «...куда в ведомство ни поедешь, в требованиях его командующие чинят остановку, а вспоможения никакого себе не имеет»⁴. Приводились и конкретные примеры: так, руководитель экспедиции попросил вице-губернатора Сибири переправить в Санкт-Петербург «сундучок обитый кожей за печатью его [...] в котором курьезные вещи», просьба эта в течение нескольких месяцев так и не была выполнена. Ответом на эти факты стало письмо Сената от 9 февраля 1720 г., направленное губернатору Сибири А. М. Черкасскому. Сенат потребовал, чтобы местные власти впредь Мессершмидту «вспоможение чинили без остановки», чтобы «время он понапрасну не тратил»⁵. Кроме того, губернатору было предложено дать соответствующий указ своим подчиненным, отправляющим государеву службу в разных регионах Сибири.

Как и следовало ожидать, после взбодряющего окрика из столицы механизм местной власти хотя и со скрипом, но заработал: «по-инстанциям» пошли соответствующие указания и команды. И журнал донес до нас копии документов из этой служебной переписки, отражающих ход самой экспедиции уже со всей конкретностью.

Так, 26 мая 1721 г. комендант Томской приказной палаты В. Е. Козлов приказал служилому человеку, казачьему сыну Александру Колмогорову, с целью оказания помощи экспедиции выехать в район «для приискивания и покупки древних могильных вещей и всяких цветных камней»⁶. Речь шла о проведении археологических раскопок, кроме того, предполагалась и покупка подобных «вещей» у местных жителей, которые, по всей вероятности, «раскопки», а точнее грабеж древних захоронений, осуществляли и самостоятельно, так сказать, «в рабочем порядке».

Любопытно, что комендант приказал Колмогорову взять с собой в поездку в качестве активных помощников двух «шведских пленников Ягана Цемера и Питера» (скорее всего, как наиболее грамотных представителей местного населения). Причем уже для осуществления «караула» за самими «специалистами» приказано было взять еще и «казаков двух человек у московского

³ Там же. Л. 27–27 об.

⁴ Там же. Л. 32.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 28.

списка дворянина Алексея Кругликова»⁷. Шведы были, надо полагать, люди не только грамотные, но и очень энергичные, так как велено было «за оними шведскими пленниками смотреть накрепко, чтобы они русским людям и иноземцам обид и разорения никому не чинили»⁸.

Вот другой пример содействия местных жителей работам экспедиции. 21 января 1723 г. воевода И. И. Полукетов от имени Земской конторы Иркутской провинции подписал грамоту, в которой давались конкретные указания местным служилым людям оказывать помощь научному предприятию. Отметим важный, на наш взгляд, момент – грамота предназначалась «для объявления всенародного».

В частности, иркутскому дворянину И. Толстоухову приказано было на территории Иркутской провинции «у всякого чина людей русских и иноземцев проводить и покупать разных зверей и птиц живых, которые во удивлению человеку»⁹. Кроме того, было дано указание добывать «хрусталя самородного, который ломать глыбами, пуда по два» и «слюду в полтора аршина и больше». К тексту грамоты прилагался своеобразный и очень интересный реестр, в который были внесены сведения о тех представителях животного мира, которых следовало добывать¹⁰. Среди списка зверей упоминались, в частности, «соболи черво и хребет белые» и «бараны дикие, с великими рогами». Невозможно удержаться от того, чтобы не привести здесь и некоторые наименования представителей птичьего царства: «лебеди с гребнями», «журавли черные», «зеленые птицы маленькие цветные» (чтение упомянутого реестра сегодня невольно вызывает тревогу и боль – сохранились ли до нашего времени все эти замечательные звери и птицы на бескрайних просторах Сибири).

Как уже упоминалось выше, в журналах имеются и копии писем самого Мессершмидта, с которыми он обращался к представителям местной администрации по различным вопросам организации экспедиционных исследований. Так, 18 июня 1723 г. ученый направил письмо правителю Мангазейской канцелярии Никифору Сотникову, в котором просил оказать содействие научным изысканиям. Мессершмидт отметил, что прибыл «для изыскания нашатыря и янтаря и прочих иных вещей и руды», что намерен «плыть по Енисею реке смотреть самоедскую землю»¹¹. При этом, как всегда, давалась обязательная ссылка на соответствующие указания вышестоящих органов государственной власти о том, чтобы ему «остановки и замедления не было».

Мессершмидт направлял из экспедиции достаточно регулярно письма в столичные города – Санкт-Петербург и Москву, при этом ему было дано право использовать возможности почтовых отправок местных органов власти. Так, 5 августа 1722 г. он направил воеводе Д. К. Шегневу в Красноярскую приказную палату для отправки по назначению три своих «запечатан-

⁷ Там же. Л. 28 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 57.

¹⁰ Там же. Л. 57 об.

¹¹ Там же. Л. 54.

ных письма»: в Санкт-Петербург «президенту Л. Блюментросту», в Москву в Аптекарскую канцелярию и в Тобольск губернатору Сибири¹².

Наибольшее число журнальных записей возникло в результате деятельности руководителя экспедиции по решению вопросов ее финансово-хозяйственного обеспечения. Эта переписка о предоставлении экспедиции транспортных средств, продовольствия, подсобных рабочих и, конечно, денег. Постараемся проиллюстрировать эти позиции.

Уже в марте 1719 г. Мессершмидт просил сибирского губернатора Черкасского выделить дополнительно шесть подвод (вдобавок к шести уже имевшимся)¹³. В журнал вносились и списки «подводчиков», т. е. людей, которые бесплатно предоставлялись местными властями с подводами для перевозки имущества экспедиции. Так, в реестр «подводчиков», которые в июле 1721 г. перевозили экспедицию от Мунгацкого острога до Кузнецка, внесены фамилии 17 человек¹⁴.

А вот в июле 1723 г. экспедиции были предоставлены речные суда для путешествия по воде от Енисейска до Мангазеи, о чем свидетельствует реестр «гребцов», в который внесены фамилии 15 сибиряков¹⁵.

Любопытно, что часто местные власти предоставляли необходимые для экспедиции транспортные средства и «оборудование» во временное пользование, для выполнения каких-либо локальных задач (т.е. как бы «напрокат»). По миновании надобности эти вещи возвращались к своим владельцам. Например, об этом свидетельствует расписка от 16 сентября 1723 г., данная Мессершмидту мангазейскими служилыми людьми в том, что они получили возвращенное «экспедиционное оборудование» и в том числе «дощеник, дроги, лодку, повозок, якорь и др.»¹⁶.

Согласно царскому указу, местные власти также бесплатно предоставляли экспедиции и продовольствие; в журнале имеются копии расписок Мессершмидта в его получении в разных пунктах путешествия. Так, 4 октября 1721 г. было получено у приказчика Абаканского острога хлеба – 28 ковриг и ржаной муки – 11 пудов¹⁷.

Труднее всего решались вопросы выделения денежного довольствия для участников экспедиции. Так, в январе 1720 г. Мессершмидт в очередной раз обратился к представителям власти (дело происходило в Тобольске) с просьбой выдать им жалованье. Он указывал, в частности, что трое драгун, осуществлявших охрану научного предприятия, «жалования и провианта не получали целый год»¹⁸, т.е. с января 1719 г. В январе 1724 г. ученый обращается с аналогичной просьбой уже в Иркутскую воеводскую контору – на сей раз доблестные воины «ничего не получали с 1 мая 1723 года»¹⁹. Невольно приходит в голову печальная мысль о том, что невыплата (или недоплата)

¹² Там же. Л. 36 об.

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 31.

¹⁵ Там же. Л. 53 об.

¹⁶ Там же. Л. 56 об.

¹⁷ Там же. Л. 32 об.

¹⁸ Там же. Л. 5 об.

¹⁹ Там же. Л. 58 об.

зарплаты «служилым сословиям» в России является глубоко традиционным и, видимо, исторически закономерным явлением. Поэтому и актуальность данной научной проблематики сомнений не вызывает.

Следует отметить, что жалованье служилых само по себе было невелико и составляло всего 11 алтын в месяц (т.е. 33 копейки). В год же выходило около четырех рублей²⁰.

В то же время труд «западных специалистов» Российское государство оценивало очень высоко в сравнении с оплатой службы своих подданных. Так, сам Мессершмидт получал в год жалованья 500 рублей, кроме того, весь провиант и другие бытовые услуги ему предоставлялись бесплатно²¹.

Следует отметить, что жалованье Мессершмидту чаще всего выдавалось в установленный срок и «находило» путешественника в любой отдаленной точке империи. Так, царским указом от 27 декабря 1722 г. красноярскому воеводе Д. К. Шетневу было дано указание о выдаче ученому жалованья в 500 рублей за 1722 г. Любопытно, что одновременно воеводе было приказано «из того жалованья вычесть на содержание Гошпиталя по копейке с рубля»²². Здесь мы имеем дело с одним из видов существовавших в то время местных налогов – «на развитие здравоохранения».

Журнал донес до нас сведения и о научно-организационной деятельности Мессершмидта, о методике проведения экспедиционных исследований. Так, в журнале имеются записи бесед с представителями местного населения – старожилками, которые давали информацию о природных богатствах своего края, о его географических особенностях, о фауне, флоре и пр. Например, в июне 1723 г. казак Лука Нечаевский сообщил руководству экспедиции о том, что недалеко от города Мангазеи, у реки Усть-Хатынки, находится гора, «из которой родится нашатырь»²³. Уроженец Енисейской провинции, боярский сын Федор Раевский также в июне 1723 г. представил Мессершмидту в письменном виде информацию о своей поездке с целью «приискания руды и морского ладану» и при этом отметил, что «ладан возле моря находится»²⁴. В январе 1724 г. иркутский «служилый человек» Кузьма Тестов рассказывал ученому о том, что на «Котельниковом Мысу есть ключ горячий»²⁵.

Мессершмидтом был создан даже «специальный фонд» для поощрения местных активистов-краеведов. В качестве поощрения использовался широко употребляемый и любимый населением продукт – водка. Так, в январе 1720 г. руководителем экспедиции у властей Тобольска было затребовано и получено четыре ведра водки, при этом указывалось, что напиток предназначен для людей, которые к нему приходят и участвуют в изысканиях экспедиции²⁶.

Ученому за годы путешествия приходилось выполнять функции, не связанные с основными задачами экспедиции. В журнале имеются сведения о том, что по поручению местных властей ему иногда приходилось выполнять рабо-

²⁰ Там же. Л. 58 об.

²¹ Там же. Л. 5 об.

²² Там же. Л. 46–46 об.

²³ Там же. Л. 55 об.

²⁴ Там же. Л. 54 об.

²⁵ Там же. Л. 61 об.

²⁶ Там же. Л. 7.

ту врача. Например, Мессершмидта привлекали к медицинскому освидетельствованию призывников. Так, в феврале 1720 г. он провел освидетельствование 39 человек – «детей боярских», предназначенных к службе в Тобольском гарнизоне, но по состоянию здоровья от службы уклонявшихся. По результатам освидетельствования были даны конкретные медицинские заключения: 13 человек были «скорбные падучей болезнью», 6 человек – «скорбные руками», а у двоих будущих защитников Отечества была обнаружена «французская болезнь»²⁷ (видимо, в Сибирь данное «прогрессивное» явление к тому времени пришло с территории нынешнего Китая).

В заключение отметим, что нами была предпринята попытка первичного источниковедческого изучения журнала Мессершмидта и исследованы только некоторые наиболее характерные особенности его текста. Но и на данном этапе изучения этого документа, на наш взгляд, можно сделать достаточно убедительный вывод о том, что он является замечательным и весьма интересным источником по истории отечественной культуры и науки.

²⁷ Там же. Л. 7 об.–8.